

ПИСЬМО М. ГОРЬКОГО К НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
О ТОЛСТОМ И ДОСТОЕВСКОМ
(Публикация Л. Н. Смирновой)

⟨1910—1913. Капри⟩.

Уважаемый Сергей Павлович! ¹

Для меня лично — несомненно, что всякая идея может быть облечена в художественную форму, это дело таланта. В бытие «чистого» искусства, кое было бы совершенно свободно от социально-педагогических тенденций, — не верю, такового не вижу и возможным его не считаю.² Гениальнейшие наши писатели Достоевский и Толстой [насквозь] тенденциозны [и оба яростные проповедники] и там, где они стоят пред нами как художники³ [в «Преступлении и наказании», «Бесах», в «Войне и мире», «Анне Карениной»].

Не представляю, как можно явления жизни делить на два ряда, из коих один подлежит [только] ведению публицистики, другой — «чистого» искусства. Любовь [и], голод, смерть, насилие над личностью, пошлость и невежество, — темы, как Вы знаете, лежащие в основе величайших произведений литературы и в то же время это ежедневные темы публицистики. [Дело таланта, дело художника взять тему так или иначе] «Германия» Гейне — разве не художественна? А «Сказка о золотом петушке» — не тенденциозна?⁴

А наиболее тенденциозным является «чистое» искусство, которое [в существе] в смысле своем всегда [есть] [было и есть] было проповедью индивидуализма и [само] донныне посвящается защите абсолютной свободы личности [доказательством ее самочинности].

Переходя к Вашей рукописи,⁵ могу только согласиться с Вашим мнением о ней: действительно, она «напыщена» и «ходульна» вся с начала до конца, [вся] насквозь.

Ваш язык [невозмо⟨жно⟩] [безвкусен] риторичен и, как всякая риторика, — холоден. Множество безвкусных слов, сопоставлений, сравнений, все нагромождено в хаос, бесформенно и раздражает. Вы отчаянно умничаете, это излишне.

Писать надо просто, [точно] — вот в чем искусство. Всякая сила — проста.⁶

Достоевский [даже] сказал однажды: «гений всегда немножко глуп»⁷ — этими словами он повторил превосходную мысль более

здорового человека: «гений должен быть наивен⁸ [он должен говорить обо всем так, как будто он впервые увидел то, что все знают]». А всякий писатель должен быть прост.

Печатается впервые по черновому автографу, хранящемуся в Архиве А. М. Горького Института мировой литературы АН СССР (Иг-НЛ-1-23-1).

Датируется по сопоставлению оценок и мнений о художественной литературе и писателях с аналогичными оценками в письмах к другим корреспондентам и в критико-публицистических статьях.

¹ Личность адресата установить не удалось. По характеру обращения, по тону письма и по значению поднимаемых в нем вопросов можно думать, что письмо адресовано человеку, близкому к литературным кругам, хорошо знакомому с русской и западной литературой, но, вероятно, впервые выступающему в качестве автора. Возможно, что им мог быть Сергей Павлович Бобров (1889—1964) — с 1912 г. участник группы молодых писателей «Лирика» (вместе с Н. Н. Асеевым и Б. Л. Пастернаком), впоследствии примкнувший к футуристической группе «Центрифуга»; в советские годы — известный стиховед и переводчик. В 1913 г. в Москве вышла первая книга его стихов «Вертоград под лозами».

² Точка зрения Горького на «чистое» искусство повторена во многих статьях и письмах. Ср.: «... истинное чистое искусство всегда объективно» (из письма к Неизвестному, условно датированного 1913 г., см.: Горький. Материалы и исследования, т. 1. Л., 1934, с. 339).

³ Ср. оценку Достоевского и Толстого в статье «Разрушение личности» (1908): «После гибели сотен юных и прекрасных людей, после десятилетия героической борьбы величайшие гении рабьей земли в один голос сказали: — Терпи. — Не противься злу насилем» (Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 24. М., 1953, с. 53). В дальнейшем оценки этих двух писателей претерпели у Горького значительное изменение. В лекциях о русской литературе, прочитанных в каприйской партийной школе в 1909 г., остается высокая оценка Толстого как художника-романиста: «В этой области он воистину велик и заслуженно славен». «Войну и мир» Горький назвал гениальной книгой, «величайшим произведением мировой литературы XIX в.». Толстого Горький считает гением, обличительные книги которого останутся в веках. «60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и все, он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература». Вместе с тем Горький выступает здесь против «грубо-тенденциозной проповеди пассивизма», считая эту проповедь реакционным явлением. Закljučая лекцию, Горький сказал: «Не зная Толстого, нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком» (Горький М. История русской литературы. М., 1939, с. 286—296; лекция о Толстом прочитана 31 октября (13 ноября) 1909 г.). Высокая оценка творчества Толстого дана во многих письмах Горького к разным корреспондентам в ноябре 1910 г. (отклики на смерть Толстого). 19 ноября (2 декабря) 1909 г. Горький выступил перед слушателями каприйской партийной школы с лекцией о Достоевском. Не называя его ни гениальным, ни великим, Горький начал с утверждения: социализм — учение, органически враждебное Достоевскому, «стремление оспорить, опровергнуть социализм — наполняет „Дневник“ писателя». «Болезненные идеи — вернее, ощущения <...> составляют главное содержание произведений Достоевского». По мнению Горького, Достоевский любит копаться в сфере бессознательного, он «глашатай темных, враждебных человеку сил», его творчество «мучительное и бесплодное, ибо оно ничего не уясняет, не увеличивает в жизни положительное, всегда рисует человека беспомощным в хаосе темных сил» (там же, с. 192, 248—250). И позднее, в письмах (например, к И. Д. Сургучеву 19—20 декабря ст. ст. 1911 г.) и статьях («О „карамазовщине“», «Еще о „карамазовщине“», 1913 г.), если Горький и называл Достоевского гением, то только «злым нашим гением». 29 июня (11 июля) 1911 г. К. П. Пят-

ницкий записал в дневнике слова Горького: «Чем скорее русский народ забудет Толстого и Достоевского, тем лучше» (Архив А. М. Горького, ФКП Д-Пят, 5-1-18). Несомненно, сказано это в запальчивости, возможно в полемике с Пятницким, с которым уже тогда у Горького были принципиальные расхождения во взглядах. Но и в августе 1911 г. в письме к В. В. Розанову Горький пишет столь же полемично: «Порою мне кажется, что Вас родил искаженный и злой человек Федор Достоевский <...> Не люблю я „великого инквизитора“ Достоевского и восточного философа Льва Толстого — не люблю» (Контекст. 1978. М., 1978, с. 304).

⁴ Ср. в лекциях о русской литературе: «Возьмите сказку „О попе и работнике Балде“, о „Золотом петушке“, „О царе Салтане“ и т. п. Во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрывал, не затушевывал, а, напротив, оттенял еще более резко» (Горький М. История русской литературы, с. 99).

⁵ О какой рукописи идет речь, не установлено.

⁶ Тезис, постоянно утверждаемый Горьким. «Правда проста, все великое — просто, народ — прост, как небо, с ним нужно говорить хорошими, твердыми словами...» (письмо к В. В. Розанову от 4 ноября ст. ст. 1905 г., см.: Контекст. 1978, с. 301); «В сравнении с „Тайболой“ — лучше, ибо — проще. Но нужно еще проще. Будет сильней, внушительнее» (письмо к В. И. Язвицкому, июнь 1910 г., см.: Архив А. М. Горького, т. VII. М., 1959, с. 89).

⁷ В записных книжках Достоевского есть такая фраза: «Гоголь — гений исполинский, но ведь он и туп, как гений» (20, 153). Горький не мог знать этого высказывания, так как в 1900—1910-х годах оно не было опубликовано. Возможно, аналогичное мнение Достоевского бытовало в устной традиции и могло быть известно Горькому через какой-то печатный источник, в котором была приведена эта фраза.

⁸ Возможно, имеется в виду фраза Ф. Шиллера из статьи «О наивной и сентиментальной поэзии» (1796): «Гением его делает только наивность...» (Шиллер Ф. Собр. соч., т. 6. М., 1957, с. 396).